

Что остаётся, когда все ушли

Горизонт сознания

Анна Глазова

"Что остаётся, когда все ушли?" Так должен был бы называться жанр, в котором работает Лора Летински, канадский фотограф, преподаватель визуального искусства Чикагского университета. Натюрморты по форме, по сути её фотографии представляют собой студии одного базового чувства: чувства покинутости. На её композициях собраны предметы, которые остались после того, как перестали быть нужны; время двинулось дальше, а они остались. В этом смысле Летински можно считать продолжательницей традиции *vanitas*, аллегорического изображения

смерти в натюрмортах эпохи барокко во Фландрии и Нидерландах. В барочных натюрмортах смерть изображается в аллегориях тщетности и бренности — человеческом черепе, часах, высохших цветах. Жанр *vanitas* противостоит другому, развившемуся тогда же жанру натюрморта, в котором пышность цветов и яств прославляет земные радости. При этом есть множество примеров, когда на картине изобилие сочетается с напоминанием о смерти; рядом с сочным фруктом, например, может оказаться лимонная корка, аллегория горечи земного существования. На фотографиях Летински роскошь тоже сочетается с мыслью об упадке, только не аллегорически, а напрямую, и не с метафизической скорбью о тщете, а с вниманием к повседневному, рутинному распаду. Но если в барочном натюрморте такое сочетание было подспудным, не вышедшим на поверхность замысла, то у Летински оно становится осознанным композиционным принципом. Невидимый герой этих натюрмортов не столько размышляет о смерти, глядя мимо предметов, сколько сосредоточенно наблюдает за смертью вещей.

Летински помещает свои композиции прямо перед той границей, за которой неживая природа становится мёртвой. Мёртвая природа как таковая ей не интересна, и ни одну из её фотографий нельзя заподозрить в антиэстетике, ставящей на место эстетического объекта объект отвращения. Недопитое вино в бокале или подгнивший плод остаются именно недопитым вином, подгнившим плодом и не успевают превратиться в объедки, гниль, мусор. И тем не менее, эти отброшенные вещи напоминают о том, что всё проходит, и не когда-нибудь после смерти, а сегодня, сейчас, каждую минуту. Летински выбирает моменты в повседневной рутине, когда следы хозяев ещё не успели стереться с покинутых вещей. Комментируя одну из своих серий натюрмортов, Летински говорит: "Я хочу рассматривать то, что остаётся пост фактум, что задерживается, медлит и тянется, но также и то, что, по контрасту, уже прошло".

Чувство, наполняющее натюрморты Летински, будет понятно тому, кто не поспевает за ритмом жизни и решается принять как данность неспособность укладываться в график. Летински учит находить красоту и смысл в такой временной протяжённости, которая выходит за пределы целесообразности и эффективности. Если во времена барокко задумчивость и скорбь по прошедшему связывались с меланхолией, состоянием души, обездвиженной горечью потери, то в сегодняшнем ритме жизни медлительность стремительно сжимается в минутные задержки, а не годы скорбных раздумий. Проницательный взгляд Летински ищет красоту таких задержек и переносит их из обыденной жизни в искусство. Тем, кто физически не успевает за ритмом городской жизни, её фотографии могут принести облегчение, если они увидят в них отражение собственной медлительности и её незаметную в повседневной спешке глубину.

Изображение:

Laura Letinsky, Untitled #64. from Hardly More Than Ever, at Carroll and Sons Art Gallery